

Артем выводит буквы старательно, медленно, черточку за черточкой. Перед ним образец – прописи, еще оставшиеся с первого класса, и он смотрит в них, чтобы его буквы были хоть чуть-чуть похожи на те, что там. Но они не похожи. Кособокие, мелкие, одна буква залезла на другую, вместо «и» – сплошные палочки. Он зачеркивает все слово, злится, зачеркивает сильнее, нажимает на ручку так, что рвется лист. Вырывает лист, мнет его в белый, с синими полосками, комок и начинает писать заново.

Тетрадь разлинована ровно. Красные поля угрожающе близко. Он боится зайти за них, не успеть перейти на новую строчку. Однако успевает, переносит слово вовремя и тяжело вздыхает, словно от физической усталости.

– Не мельчи. Пиши большие буквы. Видишь – как здесь.

Рядом с ним – дедушка. Мальчик бы не старался так, если бы не дед. С мамой не выходит. С мамой можно закапризничать, захалтурить и ничего в итоге не написать. Но дед... Дед такого не прощает. Он сидит рядом и смотрит.

Артем пишет, доводит букву до самой верхней черты и, когда получается, украдкой косится на деда. А тот следит за его рукой.

– Давай-давай, не останавливайся, строчка еще не закончилась.

И внук начинает писать быстрее. От этого сбивается, вздыхает, переворачивает страницу и начинает опять.

* * *

Артем сейчас в четвертом классе. Его все время ругают за почерк. В школе сложно. Там нужно писать быстро и понятно. У него же получается что-нибудь одно. А всё вместе – нет.

И в школе нет дедушки. Только одноклассники. Помочь – некому.

– Опять, гляди, буква куда уехала, – говорит дед.

Артем смотрит – и действительно, линия перечеркнула букву ровно пополам.

– Букву любить надо и уважать. Она живая. Если перечеркнешь букву – это как человека. Мы на войне письма писали на коленках – и то старались.

Мальчик не понимает, как это – «любить букву»? Разве ее можно любить? Вот маму, бабушку или деда – можно. Это другое дело. Их он любит, поэтому сидит терпеливо и выводит свои буквы.

Дедушка живет с ним всю жизнь. Сколько Артем помнит себя, столько помнит деда. Бабушку с мамой он тоже помнит. И папу. Но они есть почти у всех его одноклассников. А вот дедушка – лишь у некоторых. И у него. Поэтому это выделяет его, он не как все. И когда спрашивали: «У кого есть дедушка?» – Артем поднял руку и обернулся. Всего несколько человек еще подняли. Он был доволен.

Он тогда пришел домой и сказал:

– Дед, тебя нет ни у кого. Только у меня.

– Ну конечно, только у тебя, – смеялся тот, – у кого же еще?

– Нет... ну мама у всех есть и папа. А дед – только у меня.

– Прямо уж ни у кого? – усомнился дед.

– Ну, еще Макс, Дашка и Толян руку подняли. И больше никто.

Дед как-то погрустнел. И Артем тогда еще решил: наверное, нехорошо думать, что он такой редкий, что таких мало осталось. И он сказал:

– В других классах, может, есть. Я не спрашивал.

– А ты спроси, – подмигнул дед, – может, и правда только трое и осталось?

И засмеялся.

Все это показалось внуку странным. Дед то грустит, то смеется. То радуется, что он такой один, то нет. Артем пожал плечами и решил, что не будет спрашивать.

А сейчас дед сидит рядом и говорит, что буквы надо уважать.

– Ведь слово – что такое? – рассуждает он. – Это целая жизнь. Вот скажешь «лес» – и появляется перед глазами твоя деревня. А «река» – и сразу вспомнишь, как купаться с тобой ходили.

Да, купаться с ним все время ходили. И рыбу ловили. Все лето на даче. Один раз от мамы досталось и Артему, и деду. Когда утром ушли, а явились к обеду. Бабушка всю дачу обегала. А они сидели на их секретном месте, о котором никто не знал, и дед говорил:

– Рыба тишину любит. В той стороне реки людей много, рыба сюда и уходит. А тут никого. Сейчас рыбы наловим!

– А почему о нем никто не знает, ты же знаешь?

– Ну я! – Дед усмехнулся. – Я уже сколько живу! Все знаю.

– Все нельзя знать, – сказал Артем, – никто всего не знает.

Он тогда боялся, что дед обидится. Но тот не обиделся.

Артем выводит слова «лес» и «река» много-много раз. Целую строчку. Дед встает и идет к окну. Уже темно (осенью темнеет рано), дед щурится, всматривается куда-то. Мальчик отвлекается, тоже хочет глянуть в окно, узнать, что там.

– Куда ты смотришь? – спрашивает.

– Никуда. Пиши давай, и получаса не сидим.

Артем опять пишет. А дед все смотрит в окно. Артем часто так его застаёт. Он словно бы спит, а сам глядит в одну точку.

– Ну ты так долго будешь? – кричит ему тогда внук.

Но дед поворачивается к нему не сразу.

– Что шумишь? Задумался я.

– Не задумывайся так, мне не нравится, когда ты так задумываешься.

– Ну хорошо, не буду, – смеется дед.

Он вообще всегда смеется. Он ничего никогда серьезно не говорит. Скажет – а сам смеется. Ответит – и смеется. Артема это ужасно раздражает. Он хочет, чтобы его воспринимали как взрослого, а не смеялись. И злится на деда. А тот и этого как будто не замечает.

* * *

Только один раз дед не смеялся. Когда к нему пришли из журнала. Пришли разные люди. И старые, и молодые – всякие. Зашли – сели за стол – говорили. Долго говорили. Тогда дед был строгий. И Артем казался сам себе совсем еще маленьким.

– Твой дед – настоящий герой, – сказали гости Артему.

– Почему? – удивился мальчик.

– Он подвиг совершил. Неужели не рассказывал?

Вечером он спросил у деда:

– А ты какой подвиг совершил?

Но дед опять лишь отшутился:

– Какие все совершали – такой и я совершил.

Артем обиделся и решил больше не писать слова вместе с ним.

Когда дед пришел к нему в комнату, внук не сел за стол, а лег на диван и отвернулся к стене. Дед молча приблизился к окну, взял стульчик и стал смотреть на улицу. Так и просидел положенный час, какой они обычно писали с Артемом.

На следующий день было то же самое. Потом тоже. И всю неделю.

Дед не ругался: он никогда не ругался. Просто сидел, а после уходил.

Через неделю Артем сдался. И когда дед пришел опять – уже был за столом с тетрадкой.

Дед достал прописи и стал привычно следить, как Артем выводит букву за буквой. И привычно исправлять: «Это не то, эта буква не туда ушла, эта вкось поехала». Мальчик переписывал одно и то же слово снова и снова.

* * *

Это уже потом он узнал, что дед в конце войны на подступах к Вене один взял в плен двух немцев. А на следующий день, в разведке, засек огневые точки противника и дал целеуказание для их уничтожения.

Отец рассказал.

– А что такое «целеуказание»? – спросил Артем.

– Цель, значит, верную дал, – ответил отец.

А еще Артем узнал, что дед первым форсировал Малый Дунай, вел неравный бой и вышел победителем. А затем принял на себя командование и продолжал бой. За что и получил Красную Звезду.

При жизни деда Артему об этом не рассказывали.

* * *

Дед его никогда не хвалил – как бы внук ни старался.

– Ты и так должен делать хорошо, – говорит он. – Плохо делать не разрешается.

– Кем не разрешается? Тобой?
– Да хоть бы и мной!
– А когда тебя не будет, то можно плохо делать?
– Когда не будет – тоже нельзя!
– А как ты узнаешь?
– Я все узнаю! Буду в окошко к тебе заглядывать. И если увижу, что не пишешь в положенное время, то сразу все узнаю.
– Я окно закрою! И вообще перееду!
– А я и через закрытое. У меня повсюду будут глаза.
Артем больше не знал, что сказать. Глубоко внутри он верил, что дед и правда все видит, даже если окно закрыть.
– А ты когда-нибудь умрешь? – спросил однажды мальчик.
– Умру, – ответил дед, ни на секунду не задумавшись.
– И как же будет?
– А вот как: меня возьмут и вот так разрежут. – И он показал пальцем вдоль живота.

Артем зажмурился.

– Не бойся, – сказал дед, – это уже не больно будет.

Тогда Артему стало как-то не по себе. Что вот дед скоро, наверное, умрет, а все-таки сидит с ним и пишет буквы. Целый час в день. Это же так много! А мог жить для себя.

С тех пор внук старался научиться писать лучше и быстрее, чтобы дед отдохнул и не тратил с ним время. Но быстрее и лучше никак не получалось.

– А так хорошо? – спросил Артем и полюбовался на ровное, красивое слово, написанное четко в своей строчке.

Дед ему не ответил.

* * *

– Тём, отдохни. Бабушка пришла, посиди с нами.

Вошла мама и встала около. Заглянула в тетрадку:

– Хорошее слово получилось. Молодец.

Сын посмотрел на нее. Обвел глазами комнату. Больше никого не было. Деда не было.

Мама взяла тетрадь.

– Очень хорошо, – сказала она. – И в школе так же пиши.

– Ладно!

Он закрыл свою писанину и вылез из-за стола.

– Пишешь? – спросила бабушка на кухне. – Деда теперь нет – с тобой заниматься. Давай сам.

– Ладно! – опять сказал Артем.

А сам подумал: глупая бабушка, не понимает ничего. Дед есть, всегда будет, говорил же – в окно смотрит. Вдруг Артем замер.

– Сейчас приду! – крикнул он.

Побежал в комнату, раскрыл тетрадь на хорошем слове – и вернулся обратно.

Дед посмотрит – пусть видит.

Тетрадка осталась лежать на столе открытая, со словом, ровно уместившимся в линейки на листе бумаги.